

На правах рукописи

БИКТАШЕВА АЛСУ НАЗИМОВНА

**КАЗАНСКОЕ ГУБЕРНАТОРСТВО
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Казань – 2011

Работа выполнена на кафедре отечественной истории ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор
Вишленкова Елена Анатольевна

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Каменский Александр Борисович

доктор исторических наук, профессор
Любичанковский Сергей Валентинович

доктор исторических наук, профессор
Литвин Алтер Львович

Ведущая организация:

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

Защита состоится 16 июня 2011 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 при ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 2, ауд. 1113.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35.

Автореферат разослан «____» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Д.Р. Хайрутдинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема построения вертикали власти в условиях дискретного культурного и политического пространства, организации эффективного управления отдаленными от центра регионами актуальна для России до сих пор. Она напрямую связана с вопросами оптимизации административного аппарата, рационализации его функций. В настоящее время в нашей стране действует губернаторская модель государственного управления. Легко было бы предположить, что реконструкция имперской практики связана со знанием и привлекательностью исторического опыта. Однако изучение исследовательской литературы и высказываний на эту тему современных политиков убеждает в том, что российское интеллектуальное сообщество слабо «владеет» данной темой. У нас до сих пор нет аналитического обобщения российского опыта губернского управления, и особенно явно ощущается дефицит знания о характере взаимодействия губернаторов как представителей центральной («коронной») власти с местными элитами.

Выбранный в данном диссертационном исследовании ракурс освещения темы фокусирует внимание на региональной специфике, практиках управления, на казуальных и системных сбоях в управлении Казанской губернией первой половины XIX века. Такой подход позволяет рассмотреть проблему взаимодействия центра и периферии через реалии жизни конкретной губернии, сквозь призму «человеческого фактора». Кроме того, наличие в Российской империи разных моделей управления территориально-административными единицами делает опыт каждой из них уникальным, необходимым для воссоздания имперской целостности.

В названии диссертации присутствуют два аналитических понятия: «губернаторство» и «антропология власти». Первое используется в отечественной исторической науке для обозначения комплекса проблем и явлений, связанных с региональным управлением. Второе понятие применяется сто-

ронниками исторической антропологии для анализа политической и административной культуры¹. Мне они помогают передать специфику изучаемой темы, посвященной реконструкции административной и политической культуры казанских губернаторов, а также их окружения.

Объектом изучения в данном диссертационном исследовании служит феномен регионального управления в Российской империи первой половины XIX века. **Предметом анализа** являются практики властвования казанских губернаторов, созданные ими тексты и иные свидетельства их управленческой деятельности.

Хронологические рамки темы заданы логикой дореформенного развития страны (1801–1864). Нижняя временная граница охватывает процесс внедрения министерской системы управления, кардинально изменившей должностное положение губернатора. Верхняя граница связана с последствиями земских преобразований в череде реформ 1860–1870-х годов, повлекших за собой создание новых органов самоуправления, финансовых и судебных учреждений. Эти изменения существенно повлияли на объем и характер губернаторской власти. Качественными характеристиками системы управления этого периода являются: уплотнение административной сети, учет региональных различий в правовой практике, создание организованного государства посредством усиления централизации управления, профессионализации политики, усложнения бюрократической структуры.

Территориальные границы исследования заданы действием «Общего Учреждения Губернского», причислившего Казанскую губернию (в числе других 49) к губерниям «европейской России». В культурном отношении она находилась на пограничье христианского и мусульманского миров, в хозяйственном – была одним из характерных для Поволжья аграрных регионов с промышленно – развитым городским центром. Казанская губерния являла

¹ Кром М. М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Ист. записки. М., 2001. Вып. 4 (122). С. 370–397; Антропология власти: хрестоматия по политической антропологии / сост. В. В. Бочаров. СПб., 2006. Т. 1: Власть в антропологическом дискурсе; 2007. Т. 2: Политическая культура и политические процессы; Гузенкова Т. С. Антропология власти. Юлия Тимошенко. М., 2010.

собой одну из «узловых» административных единиц в империи. Она отличалась поликонфессиональным и полиэтническим составом населения. Её столица в изучаемый период стала университетским центром самых больших в России светского и духовного учебных округов, столицей епархии. В делопроизводственных материалах она именовалась внутренней губернией. В современной исследовательской литературе ее определяют как «внутреннюю периферию».

Целью исследования является выявление специфики дореформенной административной культуры Российской империи на основе анализа комплекса делопроизводственных материалов, относящихся к казанскому губернаторству первой половины XIX века.

Ее достижение потребовало решения **следующих задач**:

- собрать источники, позволяющие осветить тему в данном ракурсе;
- восстановить историю бытования темы в исторической науке и смежных ей дисциплинах;
- проанализировать нормотворчество верховной власти, регулирующее деятельность губернаторов, объем их власти и социальный статус в империи;
- изучить механизм кадровых назначений и смещений губернаторов;
- исследовать направления служебной деятельности начальника Казанской губернии и выделить в них несанкционированные инициативы;
- раскрыть семантику губернаторских репрезентаций, их значение для расширения ресурсов власти;
- оценить опыт административного надзора за действиями казанских губернаторов.

Методология исследования базируется на общенаучных принципах развития, взаимосвязи, историзма и системности. Из числа общеисторических методов в диссертационном исследовании нашли применение историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, а также

весь арсенал собственно источниковедческих методов, используемых для проверки достоверности и репрезентативности источников.

Историко-генетический метод реализован путем выявления изменений в институте губернаторства за первую половину XIX века, в кадровом составе изучаемого региона, в направлениях практической деятельности конкретного лица, в содержании подаваемых проектов и должностных записок. Результаты его применения излагаются в описательной стилистике.

В данной диссертации широко применялся *историко-сравнительный метод*. Основные параметры функционирования казанской губернской администрации сопоставлялись, во-первых, с другими современными ей регионами, а во-вторых, с наблюдениями по более ранним и более поздним периодам. Это позволило обнаружить динамику и преемственность управленческой политики казанских начальников изучаемого периода, встроить ее в общероссийский контекст, выявить региональную специфику.

Историко-типологический метод использован для обнаружения подобию. В качестве интегральных показателей в данном исследовании фигурировали: законодательная база, материальная обеспеченность губернаторской должности, структура отчетной документации, надзорная деятельность госучреждений.

Поскольку предметное поле данного диссертационного исследования охватывает проблемы официального и неофициального властвования, диалога властей и населения, рутины повседневного управления, легализации властных претензий, межличностных отношений, то сугубо исторические подходы в изучении губернаторской проблематики дополнялись методическими разработками смежных гуманитарных дисциплин, которые позволяют антропологизировать историческое исследование. Подход к «человеческому измерению» власти, ранее свойственный лишь политической антропологии, является относительно новым для отечественной историографии и потому побуждает описать ключевые методы.

Для разработки заявленной темы эффективным оказался *ресурсный подход*, предложенный французским социологом П. Бурдьё². Он предполагает учет и оценку различного рода ресурсов или символических капиталов, которыми обладают индивиды и которые они задействуют либо не задействуют в своих целях. На мой взгляд, значимость такого «капитала» для российского чиновника становилась решающей в момент их выбора, а в случае с губернатором – в момент его назначения, а также для интеграции в новой культурной среде. К накоплениям «социального капитала» можно отнести: полученное образование, родовые и семейные связи, столичные знакомства, движимое и недвижимое имущество, военный и управленческий опыт, награды и репутацию. В процессе исследования выяснилось, что данные накопления верховная власть изучала и учитывала в ходе кадровых назначений.

Для интерпретации собранного источникового материала я использовала теорию социальных «полей», которая акцентирует внимание на поведенческих стратегиях индивида в культурной среде. Согласно Бурдьё, «социальные поля» имеют свою динамическую структуру, в которой вновь прибывший в Казань и желающий быть интегрированным в местное общество губернатор должен был научиться ориентироваться и двигаться. А это предполагало выявление интересов и тактики действия местных элит, а также разработку индивидуальной стратегии, обеспечивающей успешность интервенции.

Для меня оказалась важной теория Мишеля де Серто, согласно которой «стратегия власти» по регулированию той или иной ситуации всегда наталкивается на тактики «сопротивления», идущие «снизу» и стремящиеся переиграть ситуацию в свою пользу. Нельзя сказать, что это полное откровение для историков, но Серто типологизировал подобные тактики, что позволило обнаружить их признаки в изучаемых мною источниках.

² См., в частности: Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / edited by John G. Richardson. New York, 1986. P. 241–258.

Концепция «дисциплинарной власти» Мишеля Фуко сфокусировала мое внимание на особенностях функционирования власти в эпоху Просвещения. Это специфический период, когда власть стала выражать себя через определенные «техники»: с помощью не закона, а норм, посредством контроля, а не наказания, выходя за пределы государственного аппарата управления. Эта концепция выводит понимание власти из юридической области, где она обычно присутствует в качестве упорядочивателя социальных отношений. Фуко анализировал тонкие властные отношения, которые пронизывают все сферы общества и порождают определенные типы деятельности и коммуникации. Такой подход позволил мне увидеть неравномерное распределение власти внутри политического дискурса, обратить внимание на интенсивность и значение письменных коммуникаций внутри него.

Источниковой и историографической основам диссертации посвящена специальная глава. Критерием отбора научных публикаций и архивных документов служило, с одной стороны, стремление максимально широко охватить изучением пространство государственной власти в Российской империи, а с другой – сосредоточиться на наименее исследованных аспектах темы. И поскольку призмой изучения в данной работе служил Человек власти, то я искала и собирала письменные и материальные свидетельства его мыслей, желаний, действий, страхов и повседневных забот, а также реакции на его решения современников.

Основные положения, выносимые на защиту

Губернатор и коронная власть

- В начале XIX века правовой статус губернатора оставался нечетким, так как он создавался из политических решений, принятых в разных условиях и на широком временном протяжении (Наказы 1728 года, 1764 года и Учреждение о губерниях 1775 года). Кроме того, министерская реформа (1802 – 1811 гг.) превратила бывшего «хозяина губернии» в чиновника Ми-

нистерства внутренних дел. Находясь официально в подчинении Сената и подвергаясь сенатским проверкам, губернаторы были поставлены под контроль сразу нескольких министерств. Таким образом, в период адаптации на русской почве заимствованного из западных реалий министерского управления институт губернаторства функционировал в условиях недооформленной исполнительной вертикали власти.

- В начале XIX столетия письменные жалобы верховной власти от населения перестали быть простым уведомлением государственных органов. Они стали своеобразной формой участия обывателей в управлении империей. Данная практика общения власти с подданными стала результатом наделения Сената функциями административной юстиции. На жизни губерний это отразилось в реакции официального Петербурга на получаемые жалобы в виде сенаторских ревизий, которые надолго парализовывали деятельность губернского правления и довольно часто оканчивались увольнением главы губернии.
- Материалы этих ревизий свидетельствуют о том, что политическое пространство империи было буквально пронизано диалогами властей разного уровня. Участие в разборе конфликтов губернаторов с местным дворянством довольно большого числа официальных лиц и ведомств должно было создавать у обывателей эффект всевидящей и карающей несправедливость власти. В реальности же такая управленческая практика привела к ослаблению представительства коронной власти в регионах.
- Возникшее на этой почве двоевластие между губернаторами и предводителями дворянства поддерживало многолетние противоборства губернской администрации и представителей разных социальных групп, вовлеченных в борьбу за репутации и интересы. В Казани всё это привело к административному кризису, который сопровождался частой сменой гражданских губернаторов и падением престижа этой должности.
- В этой связи попытки Александра I ввести во «внутренних губерниях» генерал-губернаторскую модель управления, а также учреждение института

военных губернаторов при Николае I могут быть рассмотрены как компенсаторные усилия. Очевидные сбои в министерском механизме государственного управления подвигали верховную власть к ремиссии авторитарных форм местного управления, к замене публичных разбирательств практикой тайных жандармских наблюдений.

- «Наказ гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 года зафиксировал правовыми средствами сложившийся в административной практике порядок, сделав правителя губернии «главным блюстителем политических интересов государства и решителем самых мелких вопросов местного благоустройства». Однако провозглашенные в «Наказе» полномочия не были обеспечены реальными возможностями. Безмерная широта должностных обязанностей свидетельствует об институциональной аморфности системы губернского управления. Она возникла в условиях острого дефицита профессиональных управленцев и неразвитости гражданского самоуправления.
- Судя по законодательным актам и распорядительным документам первой половины XIX века, объединенные усилия нескольких поколений российских губернаторов привели к существенному изменению имперской региональной политики. Верховная власть повернулась от стремления к унификации регионов, игнорирования их специфик (александровская эпоха) к признанию и изучению их особенностей (николаевское царствование). Во второй четверти XIX века император предпочитал видеть на губернаторском посту человека, знающего вверенный ему край и умеющего использовать это знание для управления им в интересах империи.

Губернатор и его губерния

- Правители губернии, присланные в Казань из Петербурга, как правило, вызывали у местной дворянской верхушки реакцию отторжения. Автома-

тизм такого стойкого неприятия указывает на наличие в российской административной культуре первой четверти XIX века серьезного дефекта. И это было то, с чем верховная власть не могла справиться посредством законодательства и институциональных реформ. Разрешение конфликта между политическими и локальными элитами произошло в правление Николая I посредством признания правительством и учета норм обычного права. Идеология «особого пути» позволила верховной власти интегрировать в рационалистическую (западную) систему управления нормы традиционных отношений (в том числе местные клановые связи).

- В идеале верховная власть желала, чтобы направленный в столицу губернии сановник не был подчинен местным элитам и зависел только от правительства. Однако выделенные на его содержание средства не обеспечивали такой независимости и статусного поведения. Зазор между декларацией и реальностью интерпретировался начальниками губерний как недостаточное внимание правительства к данному региону. В таких обстоятельствах отдельные кандидаты сразу отказывались от почетного, но весьма невыгодного назначения, а были и те, кто компенсировал правительственное невнимание местными выгодами.
- В условиях весьма протяженного имперского пространства его государственное единство поддерживалось не только административной сетью, но и расставленными по нему символическими знаками. Выдержанная в едином архитектурном стиле символика присутственных мест создавала у современников ощущение общности имперской территории и эффект повсеместного присутствия верховной власти. В этой связи губернаторский дом относился не к частной сфере, а был знаком представительства его обитателей. Вплоть до 1830-х годов дома казанских гражданских губернаторов располагались хоть и в центральной части города, но среди прочих домов местного дворянства. В 1840-е же годы новый респектабельный губернаторский дворец был отстроен на территории Кремля.

- В александровское правление административная инициатива считалась обязанностью главы губернии. Администраторы этого времени не боялись брать на себя ответственность и принимать нетривиальные решения. Казанские губернаторы той поры ощущали себя представителями просвещенной власти, покровителями учебных заведений и городских обывателей. Перед лицом верховной власти они выступали защитниками интересов губернии, а перед лицом влиятельных местных дворян – защитниками интересов монархии. Такой дуализм побуждал их регулярно сообщать в Петербург информацию о местных условиях жизни и делать предложения по ее улучшению.
- В николаевское время губернатор обрел более стабильное положение, но стал ощущать себя профессиональным функционером. Унифицированная министерская вертикаль лишила его права на стратегическое видение. В этой ситуации основным каналом губернаторского влияния на государственную политику в регионе оставались ежегодные отчеты. В них начальники губернии вписывали не только ответы на интересующие МВД вопросы и заполняли статистические таблицы, но и давали обоснование местных нужд. Эти данные позволяли губернаторам обращаться в правительство с различного рода ходатайствами, ссылаясь на объективные потребности региона.
- Анализ письменных стратегий управления позволяет заключить: в первой четверти XIX века эффективность службы губернатора определялась по количеству решенных его правлением «бумажных дел». С 1840-х годов она стала оцениваться по экономическим показателям развития губернии.
- Содержание исходящих бумаг из казанской губернской канцелярии приводит к пониманию, что реальная власть губернатора сосредотачивалась в хозяйственно-полицейской сфере. Приоритетными направлениями его служебной деятельности являлись охранение спокойствия, пожарное и санитарное благоустройство губернской столицы и уездных городов.

- Многолетний опыт российских губернаторов в лоббировании региональных интересов создали им представительскую репутацию. Этот политический потенциал был успешно использован правительством Александра II при подготовке и проведении отмены крепостного права. Тогда казанские губернаторы сыграли важную роль в налаживании позитивного диалога верховной власти и местного дворянства.

Новизна и научная значимость исследования определяются выбранным подходом к изучению власти губернаторов и сформированным в результате многолетнего архивного поиска комплексом источников. Полагая, что эффективность института региональной власти зависит не только от системообразующего, но и от личностного фактора, я шла в изучении губернаторства от его субъекта – то есть от личности и действий губернатора. Такой подход в современном социогуманитарном знании обозначается как антропологический. Он позволил мне предложить новое прочтение механизма включения института губернаторства XVIII века в министерскую модель управления XIX столетия. Следуя логике выбранного ракурса, в диссертации уделено особое внимание принципам губернаторских назначений, роли в них протекции, стратегиям укоренения в «окружающую» социальную среду приезжих чиновников, реконструкции межличностных отношений, анализу неформальных ресурсов власти у представителей присутственных мест.

Диссертация является первым комплексным исследованием, которое специально посвящено казанским губернаторам. В ней оценен формально-юридический и человеческий потенциал местного губернаторства, выявлено участие каждого конкретного администратора в развитии хозяйственно-экономической и культурной жизни данного региона империи. Кроме того, изучение ежегодных отчетов и прочих делопроизводственных текстов, направленных из Казани в Петербург, позволило выявить специфику Казанской губернии, вернее, видение этой специфики локальной и верховной властями.

Собранные воедино в данном исследовании, но в реальности, хранящиеся в разных архивохранилищах источники вскрыли картину постоянных

конфликтов, интриг и взаимодействия казанских губернаторов с местным дворянством, чиновниками иных ведомств и купечеством. В этой связи интригующим является сюжет о легальных и нелегальных способах групповой борьбы, личных трагедиях вовлеченных в нее людей.

Впервые в научный оборот вводится значительный пласт документов ранее неизвестных, позволяющих по-новому увидеть жизнь людей власти в провинциях Российской империи.

Научно-практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов для дальнейшей разработки комплексной проблемы развития местного управления дореформенной России. Обоснованное в диссертации понимание антропологии губернской власти может быть применимо к другим историческим периодам, регионам и уровням власти, а полученные результаты могут стать основой компаративных исследований. Теоретические положения диссертации и зафиксированный практический опыт управления казанских губернаторов может быть учтен в современном государственном строительстве.

Аналитическая часть и конкретно-исторический материал, содержащиеся в исследовании, предлагается использовать при написании обобщающих работ по политической истории Российской империи, по исторической антропологии, при подготовке лекционных курсов, спецкурсов по истории политической культуры Российской империи, а также в краеведческой работе. Собранный биографический материал будет полезен при подготовке различного рода справочных и энциклопедических изданий, музейных выставочных экспозиций.

Основные положения и выводы диссертационного исследования прошли **апробацию** на международных, всероссийских, региональных и иных научных мероприятиях, проходивших в 2002 – 2010 гг. в Москве, Санкт-Петербурге, Белгороде, Чернигове и Казани. Основное содержание диссертации нашло отражение в 33 научных публикациях, в том числе 2-х монографиях, в 10 журнальных статьях, входящих в перечень ведущих рецензируе-

мых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки России для публикации основных результатов докторских диссертаций по направлению «История». По итогам конкурса на лучшее печатное издание Казанского государственного университета 2009 года монография «Казанские губернаторы в диалогах властей» была удостоена первого места. Автором разработаны и читаются на историческом факультете Казанского (Приволжского) федерального университета специальные курсы лекций «Казанские губернаторы» и «Губернское административное управление в Российской империи». По тематике данного исследования осуществляется научное руководство курсовыми и дипломными работами студентов.

Структура диссертации состоит из введения, пяти глав, выводов, списка использованных источников и литературы, 5 приложений. Изложение ведется в проблемно-хронологическом ключе, что позволило проследить эволюцию губернаторского управления, сосредоточиться на отдельных практиках, выявить участие казанских губернаторов в социально-экономической и политической жизни губернии в исследуемый период.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы, определены объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, сформулированы цель и задачи, определены методологические основы диссертации, ее научная новизна и практическая значимость, отражена апробация работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Источники и история изучения темы» доказана возможность решения поставленных задач на выявленном корпусе источников, реконструирована историография проблемы.

В разделе «Источники и их интерпретация» охарактеризован информационный потенциал привлеченного массива разнообразных источников, как официального, так и частного происхождения, опубликованных и находя-

щихся в архивохранилищах. Типологически их можно подразделить на *законодательные акты, материалы официального делопроизводства, документы личного происхождения, материалы периодической печати*. Изучение всей совокупности перечисленных текстов, зафиксировавших административный опыт казанских губернаторов, убеждает в возможности их интерпретации как продукта жизнедеятельности единого политического организма. Это намерение определило структуру данного параграфа. В нем раскрываются критерии отбора текстов, специфика их свидетельств, способы извлечения из них прямых и скрытых смыслов. В диссертации изучались комплексы документов из семи федеральных (РГИА, РГАДА, ГАРФ, РГВИА, РГАЛИ, ОПИ ГИМ, ОР РНБ) и двух республиканских (НА РТ, ОРРК НБ КФУ) архивохранилищ. В общей сложности анализу подверглось более 260 единиц хранения, извлеченных из 48 архивных фондов.

Обращение к **законодательным актам** было порождено стремлением выявить нормативные основания деятельности российских губернаторов, правовые акты, регулировавшие их социальный статус и объем должностных полномочий. Выявление этой группы источников осуществлено посредством фронтального прочтения первого и второго выпусков «Полного собрания законов Российской империи». В данный источниковый комплекс вошли «Высочайшие указы и повеления», утвержденные императором мнения и решения Государственного Совета, Комитета министров, Правительствующего сената. Критерием отбора служила губернаторская тематика. Сквозное прочтение законодательства изучаемой эпохи позволило реконструировать политический контекст, в котором происходила рационализация имперского управления, вписать в него идеи, официальные мнения, а также опыты, повлиявшие на должностную эволюцию начальника губернии, конкретизировать механизмы взаимодействия института губернатора с центральными органами власти, местным общественным самоуправлением.

Но «дух законов» нельзя отождествлять со средой и реальными условиями их циркуляции. Изучение локальной административной реальности позволи-

ло увидеть зазоры между намерениями и действительностью, исследовать механизмы адаптации правительственной политики к обстоятельствам и особенностям отдельной губернии. Для этого были привлечены обширные **делопроизводственные материалы**, сгруппированные по ведомственному признаку. *Комплекс документов МВД* составили: формулярные послужные списки казанских губернаторов, министерские предписания и циркуляры, донесения (рапорты) казанских губернаторов, их должностные записки, обзоры губернии, «Всеподданнейшие отчеты», полуофициальные письма и прошения.

Отдельной разновидностью министерского делопроизводства являются *циркуляры*. Они содержат приказы и описание породивших их административных ситуаций, а также объяснение логики спускаемых решений. Их совокупность дает представление об административных ресурсах МВД, о механизмах принятия решений. В качестве подзаконных нормативных правовых актов циркулярные письма выпускались в XIX веке отдельными брошюрами и тематическими сборниками³. Эти документы в изобилии встречаются в фондах губернских архивохранилищ. Они, в свою очередь, провоцировали создание иных текстов. Например, донесения (*рапорты*) губернаторов, как правило, были ответом на предписания, спускаемые вышестоящим начальством. Такой подход позволил восстановить канву внутриведомственных коммуникаций.

Самым объемным источником в этой группе являются «*Всеподданнейшие отчеты*» казанских губернаторов. Изучение отчета не только как ведомственного, но и как авторского текста позволило открыть его дополнительные источниковые возможности. Фронтальное прочтение выявленных в архиве МВД 38 отчетов и обзоров по Казанской губернии дало возможность определить приоритетные направления в деятельности начальника губернии,

³ Сборник циркуляров и инструкций МВД с учреждения министерства по 1 октября 1853 года. СПб., 1854. Т. 1; Сборник циркуляров и распоряжений Министерства внутренних дел, относящихся до гг. губернаторов, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярий гг. губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений с 1858 по 1896 год / сост. кн. В. П. Урусов. М., 1896.

установить преемственность управленческих стратегий, оценить персональный вклад в развитие губернии. В них описывались «нужды» и трудности управления «вверенной губернией», предлагались меры по их преодолению. Рассмотрение губернаторского отчета в качестве средства общения центра с периферией и вместе с тем одного из способов контроля позволяет говорить о реакции верховной власти на донесения и инициативы губернаторов. Структурные изменения губернаторской отчетности (1828, 1837, 1842, 1853 гг.) позволяют судить о направленности диалога центра и периферии, исследовать технологии министерского управления.

Помимо отчета инициативы губернаторов зафиксировали *полуофициальные письма, должностные записки и проекты*, направленные «начальствующим лицам», то есть в различные комитеты, комиссии, а иногда и непосредственно императору. Мотивация таких писем была сугубо деловая. Они несли в себе информацию субъективного, доверительного, патронажного свойства. Как правило, данные послания рождались в обстоятельствах вступления в должность, после проведенного обзора губернии, на пике конфликта. Чаще всего они адресовались тому сановнику, в участии которого особо нуждались губернаторы в чрезвычайных обстоятельствах.

Особую информационную ценность для освещения реформаторских взглядов казанских губернаторов имеют их политические проекты. В данном случае я имею в виду проекты П. П. Пущина «о нуждах, недостатках и пользах общих»⁴; И. А. Толстого «об устройстве казанской градской полиции»⁵; И. А. Боратынского «о предложении ряда мероприятий по освобождению крестьян»⁶, «о содействии успешному ходу управления»⁷. Наличие подписи губернатора на официальных бумагах (отчетах, должностных записках и проектах и т.д.) являлось для меня формальным основанием считать их авторским текстом. Такой подход позволил выявлять «персональный голос»

⁴ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 282. Л. 6–10.

⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 308. Л. 1–65.

⁶ РГАДА. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–8.

⁷ НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1205. Л. 1–48.

начальника губернии в делопроизводстве и благодаря этому реконструировать несанкционированные инициативы.

Уловить в официальных источниках неартикулированные сведения о российских губернаторах не просто. Власть не любит рассказывать нелестные вещи о себе. Лишь в случае отставки или в результате перевода на другое место службы можно обнаружить сведения о профессиональных качествах правителя губернии, стиле его руководства, умении ладить с должностным и выборным окружением. Административными нарушениями губернаторов занимался I департамент Сената. Этот порядок вещей побудил меня обратиться к *сенатскому делопроизводству*.

В исследуемый период ревизии Сената стали регулярным явлением как для империи в целом, так и для отдельных губерний⁸. Подобные проверки различались по срокам, целям и масштабам, но неизменным поводом для их проведения служили письменные жалобы и доносы о «злоупотреблениях» местных властей. В Поволжье большая часть таких проверок пришлась на Казанскую губернию⁹. Изыскание материалов казанских ревизий выстраивалось в соответствии с логикой их оседания в архивах различных ведомств и инстанций. В результате документы сенатского делопроизводства оказались рассредоточены по разным архивохранилищам. Чтобы объединить их в единый комплекс, в диссертации были задействованы материалы из фондов Российского государственного исторического архива – комитета министров (ф. 1263), первого департамент Сената (ф. 1341), министерств юстиции (ф. 1405), внутренних дел (ф. 1282, 1284, 1286), народного просвещения (ф. 733). По счастливому стечению обстоятельств в архиве Республики Татарстан (НА РТ, ф. 168) отложилась коллекция следственных дел первого департамента Сената за период с 1799 по 1840 годы. Этот локальный осколок сенатского делопроизводства дал возможность восполнить лакуну фонда Министерства юстиции, реконструировать события, предшествующие назначению проверок

⁸ См.: История Правительствующего Сената... Т. 2. С. 596–600; Т. 4. Прил. С. 503–508.

в Казань, довести исследуемые сюжеты до приговоров Сената. На губернском уровне отдельные документы ревизий можно обнаружить в фондах канцелярии губернатора и губернского правления (НА РГ, ф. 1, 2).

Помимо следственных дел материалы ревизий содержат информацию о численности населения, о качестве земель, состоянии путей сообщения и многое другое. Они включают в себя копии различных запросов, выписки из следственных дел, обвинительные заключения прокуроров, статистику решенных и нерешенных канцелярских дел, рапорты о состоянии управления, проекты и рекомендации по его совершенствованию, сведения о вскрытых административных недостатках и злоупотреблениях. Нерасторопность и медлительность судопроизводства растягивали рассмотрение и завершение дел на несколько лет (в среднем губернаторские дела решались Сенатом от 5 до 6 лет). Фронтальный способ изучения следственных материалов позволил отследить судьбы казанских губернаторов и других губернских чиновников, оказавшихся под следствием, выявить мотивы и способы их увольнения, казусы неформального властвования, разобраться в противоборстве интересов дворянских группировок с местным правительством. Реализация этой трудоемкой задачи потребовала совмещения «разорванных» во времени и разбросанных по различным ведомственным архивам сведений о состоянии власти в Казанской губернии. В диссертации впервые проанализированы материалы шести полномасштабных ревизий Сената.

Во второй четверти XIX века Сенат своих ревизоров в Казань не направлял. С воцарением Николая I административный надзор изменил свою направленность, отныне предпочтение отдавалось негласному наблюдению жандармских штаб-офицеров. Коммуникативное пространство губернских властей стало наполняться их сводками и донесениями. Задействованные в исследовании *материалы жандармского делопроизводства* дают представление о способах и степени осведомленности III Отделения СЕИВК относительно положения местных властей. Просмотр донесений жандармских

⁹ Там же. Т. 4. Прил. С. 513–515.

штаб-офицеров, погодных отчетов III Отделения, материалов секретного отдела (ГАРФ, ф. 109) позволил собрать комплекс документов, характеризующих административную жизнь Казанской губернии по итогам последней тотальной ревизии Сената до отмены крепостного права. В жандармском делопроизводстве можно обнаружить персональные характеристики казанских губернаторов, сведения об их служебной и приватной жизни, оценки политических взглядов, описание отношений с вышестоящим начальством и подчиненными, мнения «местного общества» об отдельных губернских чиновниках.

Культурный контекст жизни губернатора в Казани реконструировался на основе документов личного происхождения (дневников, писем, мемуаров современников) и газетных публикаций. Исследованные **материалы периодической печати** можно разбить на официальные губернские органы печати – «Казанские известия» (1811–1820), «Казанские губернские ведомости» (1838–1863), а также отдельные местные¹⁰ и центральные ведомственные издания¹¹. Информационный ресурс этой группы источников предоставил возможность отследить складывание общественного мнения, формирование представлений об идеальном руководителе губернии. Сплошному просмотру были подвергнуты 1352 номера «Казанских ведомостей» с 1838 по 1863 годы. Провинциальная газета, являясь официальным органом местной власти, была призвана информировать население о распоряжениях и действиях губернского правления и его руководителя. Создавая ему образ деятельного исполнителя, заботящегося о поддержании общественного порядка, городского благоустройства, надзирающего за местными чиновниками, она создавала ему репутацию. На страницах «Ведомостей» он и просвещенный политик, и общественный деятель, и филантроп. Газета регулярно сообщала о его служебных перемещениях: поездках, столичных командировках, об отпуске, состоянии здоровья, семейных событиях и т.д.

¹⁰ Казанский телеграф; Волжский вестник; Ученые записки Казанского университета.

¹¹ Санкт-Петербургский журнал; Журнал Министерства юстиции; Журнал Министерства внутренних дел.

Документы личного происхождения представлены воспоминаниями самих губернаторов и людей из их окружения. Количество опубликованных мемуаров, затрагивающих в той или иной степени проблемы казанской губернской администрации изучаемого периода, сравнительно невелико (более десяти). Они поделены мною на три условные группы. Первая объединяет мемуары, вышедшие из-под пера высших сановников, осуществлявших ревизии Сената в Казанской губернии¹². Вторую представляют мемуары самих губернаторов, а также чиновников, служивших в органах губернской администрации¹³. Воспоминания о состоянии местной власти образуют третью группу¹⁴.

Мемуары предоставляют возможность более полно почувствовать дух исследуемого времени, уловить бюрократическую ментальность. Они знакомят с бытом, нравами и повседневной жизнью губернских чиновников. В них обнаруживаются сведения, о которых небезопасно было говорить в момент

¹² Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь: записка действительного тайного советника. М., 1866; Бумаги Ивана Борисовича Пестеля // Рус. архив. 1875. Кн. 1. С. 370–374; Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненные им самим // Рус. архив. 1884. Кн. 1. С. 69–73; Соловьев Я. А. Записки сенатора // Рус. старина. 1882. Т. 36, № 10. С. 137; [Казначеев А. Г.]. Между строками одного формулярного списка, 1823–1881 / А. К. // Рус. старина. 1881. Т. 32, № 11. С. 837.

¹³ [Малышев А. А.]. Губернатор доброго старого времени: воспоминания старожила // Рус. старина. 1907. Т. 131, № 7. С. 188–196; Михайлов И. И. Казанская старина: (из воспоминаний) // Рус. старина. 1899. Т. 100, № 10. С. 99–113; № 11. С. 399–419; [Половцев Ф. А.] Из воспоминаний 1859–1861 годов / Ф. А. П-в // Ист. вестник. 1907. Т. 110, № 10. С. 100–123; № 11. С. 462–486; Записки Петра Зиссермана (внука Петра Алексеевича Ильина – адъютанта И. А. Боратынского). Ч. 2. Дедушка. 1913. С. 60–84. (хранятся в личном архиве правнучки П. А. Ильина Сусанны Леонидовны Высоцкой); Де-Пуле М. Ф. Отец и сын // Рус. вестник. 1875. Т. 118. С. 56–107; Т. 119. С. 121–181; Фадеев А. М. Воспоминания (1790–1867). Одесса, 1897. Ч. 1. С. 157–199; Лучинский Ф. Я. Провинциальные нравы за последние полвека: (воспоминания) // Рус. старина. 1897. Т. 91, № 9. С. 650–657; Жиркевич И. С. Записки // Рус. старина. 1890. Т. 67, № 7. С. 79–80; Арцимович В. А. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904.

¹⁴ Вигель Ф. Ф. Воспоминания. М., 1864. Ч. 2; Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / сост. Ю. А. Лимонов. Л., 1991; Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4. С. 72–181; Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003; Шомпулев В. А. Из прошлого Саратовской губернии: (Записки старого помещика). Провинциальные типы сороковых годов // Рус. старина. 1898. Т. 95, № 8. С. 322–331; Мамаев Н. И. Записки // Ист. вестник. 1901. Т. 86, № 11. С. 429–470; Вистенгоф П. Ф. Из моих воспоминаний // Ист. вестник. 1884. Т. 16, № 5. С. 344–347.

службы: об управленческих «язвах», механизмах неформального властвования, канцелярских способах обогащения. Авторы воспоминаний обычно писали не только о себе, но и о своих родственниках, знакомых, описывали провинциальное общество, жизнь которого разнообразилась слухами о назначении нового начальника губернии, его увольнении или переводе. Молва как форма массовой коммуникации служила средством распространения новостей, формирования и крушения репутаций. Неслучайно тайная полиция держала этот общественный канал связи под особым контролем в качестве индикатора «настроения масс». А власть активно использовала этот коммуникативный канал для поддержания своего имиджа. Сочетание сведений из донесений жандармских офицеров со слухами, «зафиксированными» в мемуарной литературе по Казанской губернии, позволяет говорить об их реальном влиянии на кадровые ротации. В целом, выявленный комплекс источников оказался достаточно богат и репрезентативен для того, чтобы получить на основе его анализа ответы на поставленные во введении вопросы.

В разделе «Научное состояние темы» дается обзор исследовательских проблем и направлений, затрагивающих историю российского губернаторства. Происходящий в последние десятилетия ренессанс исследовательского интереса к региональному управлению во многом объясняется возрождением института губернаторства в современной России. Обращение научного общества к моделям имперского управления спровоцировано не только политическим заказом, но и стремлением продолжить научные изыскания, начатые дореволюционными историками. В этой связи отсутствие такого рода исследований, посвященных казанскому губернаторству, можно объяснить лишь утратой в результате пожара архива местного губернского правления.

Историографию данной проблемы можно условно разделить на четыре периода: 1) период формально-юридического интереса к теме (с рубежа XIX – XX веков до 1917 года); 2) период забвения губернаторской тематики (1917 – до 1960-х годов) 3) период социально-экономического освоения темы (1960

– 1980-е годы) 4) период синтеза различных исследовательских подходов (с начала 1990-х годов по настоящее время).

Магистральным направлением первого периода было изучение истории государственных учреждений. Образцами институциональных исследований могут служить пятитомная «История Правительствующего Сената», труды С. М. Середонина, Н. В. Варадинова, В. Н. Строева, С. Н. Писарева и др. Осмысление тематики местного управления проходило тогда в русле формально-юридического подхода, столь характерного для представителей «государственной школы» (Градовский А. Д., Лохвицкий А., Нотович О. К., Головин К. Ф., Подлигайлов П. Н., Страховский И. М.). Отечественных государственников отличало критическое отношение к губернаторской должности (И. Е. Андреевский, С. А. Корф, И. А. Блинов, К. Н. Соколов, С. К. Гогель). Деятельность начальников губерний оценивалась как «далеко не удовлетворительная». Основной недостаток виделся в соединении управления и надзора в одних руках. Обращалось внимание на несовпадение официальных норм, обеспечивающих деятельность российских губернаторов, и реалий управления. Источниковая ограниченность не позволила историкам права исследовать практики регионального управления. Вместе с тем приверженцы формально-юридического подхода заложили теоретические основы изучения соотношения централизации и децентрализации власти в Российской империи, административной юстиции и бюрократического феномена.

Апологетическая ограниченность «государственников», отчасти объяснимая цензурным гнетом, «канцелярской тайной», стала преодолеваться в трудах историков М. М. Богословского и Ю. В. Готье. В фокусе их внимания оказались «областные реформы» XVIII столетия. Изучение строилось на богатейших материалах столичных и провинциальных архивов. Предметом изучения стали вопросы назначения, материального содержания, злоупотреблений, бытовых условий российских губернаторов. Но после октябрьской революции всё, что было связано с институтами власти, рухнувшего самодержавия, на долгие годы было предано забвению.

После 1917 года отечественная историография практически не обращалась к проблемам местного управления. Проблема эта затрагивалась лишь в связи с изучением отдельных аспектов внутренней политики самодержавия или архивообразующей деятельностью некоторых учреждений (Колесников А., Бочкарев В., Шефер А. Л., Предтеченский А. В.)

Наступивший период «оттепели» 1950-х годов оказал стимулирующее воздействие на изучение устройства государственных учреждений дореволюционной России. История, структура, характер деятельности этих учреждений были систематизированы в учебных пособиях Н. П. Ерошкина, где он сделал интересное наблюдение о том, что губернатор нес ответственность, в основном, за местные учреждения, подведомственные МВД. После чего в советской историографии утвердился ведомственный подход в изучении губернаторства. Единственной специальной работой, посвященной истории местного управления, было исследование А. И. Парусова, но его выводы не выходили за пределы официальной классовой историографии. Продолжением дореволюционных исследований по эволюции русской бюрократии стали труды Н. Ф. Демидовой и С. М. Троицкого.

Настоящим историографическим событием стало появление в 1978 году монографии П. А. Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.». Она утвердила в исторической науке новое положение, что на внутреннюю политику Российской империи «оказывают немалое влияние люди, стоящие во главе администрации». Зайончковский заложил новые методологические принципы изучения системы имперского управления, реализация которых привела к прорыву в изучении политической истории России XIX века в исследованиях М. М. Сафонова, С. В. Мироненко, Л. Г. Захаровой, П. Н. Зырянова. В трудах его последователей бюрократия стала рассматриваться как особая социальная группа, имевшая влияние на подготовку и реализацию либеральных реформ. Теперь речь шла о «субъективном факторе» в системе управления, мотивации и механизмах принятия решений. Достижениями периода 1960–1980 годов в области ин-

ституциональной истории можно считать абсорбцию выводов дореволюционной историографии и применение к тем же источникам новых методов анализа. Впрочем, специальных работ о российских губернаторах в тот период так и не появилось. Губернаторы по-прежнему оставались на периферии исследовательского внимания.

1990-е годы ознаменовались ростом интереса к истории власти в России. Отечественные историки получили возможность свободного выбора методологии и тематики исследований. В исторической науке стали нормой междисциплинарность и концептуальное разнообразие. В это время появляются специальные работы о российских губернаторах. В числе первых исследователей следует назвать М. М. Шумилова. Он впервые рассмотрел институт губернаторства пореформенного России как объект правительственной политики. При этом автор остался верным институционально-ведомственному подходу.

Наиболее плодотворной в губернаторской тематике была вторая половина 1990-х годов. Проведение круглых столов, семинаров, издание сборников «Губернаторство в России: История, современность и перспективы», «Российская империя и ее регионы» стимулировало складывание целого ряда исследовательских подходов в изучении опыта имперского управления: регионального, социокультурного, биографического, историко-правового, структурно-функционального.

Сторонников региональной исследовательской модели (А. В. Ремнев, М. Д. Долбилов, Н. П. Матханова) объединяет убеждение, что Российская империя представляла собой сложно организованное государственное пространство. Его длительная устойчивость объясняется поливариантностью властных структур, многообразием правовых, государственных, управленческих форм, асимметричностью и разнопорядковостью связей различных народов и территориальных образований. Применительно к Восточной Сибири весомый вклад в разработку российского губернаторства внесли исследования Н. П. Матхановой. Анализируя объем властных полномочий высшей ад-

министрации, она установила прямую связь между культурно-психологическим типом личности губернатора и эффективностью управления регионом. По ее убеждению, на развитие региона оказывал воздействие целый комплекс факторов: наличие генерал-губернатора или военного губернатора, существование (или отсутствие) помещичьего землевладения и дворянского самоуправления, размеры казенной собственности, уровень развития частного сектора и влияние его представителей, особенность состава населения, распространение на губернию земской и судебной реформы, личные качества губернатора.

Использование *социокультурного подхода* в изучении состава губернаторского корпуса за все время его существования позволило Л. М. Лысенко увидеть в губернаторе не институт власти, а её представителя. Общая характеристика состава губернаторского корпуса подтвердила исследовательскую гипотезу, что «губернаторы являли собой прогрессивную силу», положительные тенденции которой подкреплялись ростом профессионализма, образовательного уровня, правовой культуры, изменением соотношения военных и гражданских начал.

Биографистика российских губернаторов, главным образом, покоится на материалах формулярных списков, некрологов и мемуарных свидетельствах. Большинство таких сборников представляют собой очерки краеведческого и справочного характера¹⁵. Выделяются в этом ряду тематические публикации архивных материалов.

¹⁵ См.: Алексушин Г. В. Самарские губернаторы. Самара, 1996; Тверские губернаторы. Тверь, 1996; Тульские губернаторы. Тула, 1997; Пермские губернаторы: традиции и современность. Пермь, 1997; Астраханские губернаторы: историко-краевед. очерки. Астрахань, 1997; Орловские губернаторы / сост. О. М. Трохина. Орел, 1998; Марасанова В. М., Федюк Г. П. Ярославские губернаторы, 1777–1917: (историко-биограф. очерки). Ярославль, 1998; Фролов Н. В., Фролова Э. В. Владимирские наместники и губернаторы. Ковров. 1998; Губернаторы Оренбургского края / авт.-сост. В. Г. Семенов, В. П. Семенова. Оренбург, 1999; Горбунов К. Е., Сивопляс И. Э., Шабалкин А. Ю. Симбирские гражданские губернаторы: материалы к историко-биограф. очеркам. Ульяновск, 2003; Макаров И. Губернаторы и полицмейстеры. Нижний Новгород, 2005; Степанов В. Б. Наместники и губернаторы Курского края, 1779–1917 гг.: ист. очерки. Курск, 2005.

В современной юридической литературе наблюдается новый всплеск *историко-правового* изучения губернской административной системы (Л. Е. Лаптева, А. В. Орлов, В. А. Козлобаев). Основным источником для реализации правового подхода по-прежнему остаются официальные нормы. Его приверженцы сосредоточились на изучении эволюции административной политики, ее адаптивных способностях в условиях проведения структурных реформ. Это привело к продвижению в изучении механизмов и форм взаимодействия органов исполнительной власти, конкретизации понятийного аппарата. Активное овладение губернаторской тематикой современными правоведом может служить позитивным примером междисциплинарных возможностей сотрудничества.

Применение *структурно-функционального метода*, в рамках которого признается способность социальных систем к самоорганизации, позволило С. В. Любичанковскому подвергнуть губернскую администрацию Урала всестороннему анализу. В его исследованиях структурно-функциональный подход был применен к системе губернаторской власти рубежа XIX–XX веков с целью определить эффективность данной системы. Автор предложил оригинальную интерпретацию позднеимперского кризиса власти, выделив в нем «системную» и «внутреннюю» составляющие. Последняя, по его мнению, порождалась личными интересами сотрудников аппарата государственного управления. Отличительным свойством этой исследовательской рамки является ее интегральность. Она продемонстрировала хороший эвристический потенциал в ходе заочной международной дискуссии на тему «Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность».

Параллельно с перечисленными направлениями развивалась историография имперского администрирования¹⁶. В данной работе интерес к ней

¹⁶ См.: Административные реформы в России XVIII–XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. М., 1990; Морякова О. В. Система местного управления России при Николае I. М., 1998; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001–2003. Т. 1–2; Марасанова В. М. Местное управление в Рос-

обусловлен возможностью контекстуализации казанских событий, сравнения и выявления типичного и нетипичного в изучаемом временном отрезке. Характерной чертой общей историографической ситуации современного этапа стало сближение подходов отечественных и зарубежных историков. За последние годы появилось значительное число публикаций, освещающих те или иные сюжеты в исследованиях зарубежных коллег, но системного очерка зарубежной историографии губернаторской проблематики дано не было.

Пристальный интерес к истории управления Российской империей характерен для англо-американских русистов. Начнем с того, что основные проблемы и направления изучения российской бюрократии были сформулированы и намечены в работах Марка Раева. Для него история России представляет собой длинную цепь попыток реформировать политическую и социальную структуру империи. Механизм реализации самодержавной власти укладывался в его представлениях в формулу «самодержец – личные агенты». Применительно к исследуемой теме представляется возможным конкретизировать этот тезис, изучить механизм делегирования власти российским губернаторам в условиях становления министерской системы управления.

Дж. Армстронг подверг сравнительному анализу российских губернаторов XVIII–XIX вв. и их французских коллег того же периода. Примененный ученым социологический подход привел его к выводу, что в условиях российского патриархального общества бюрократия может быть дисфункциональной, поскольку бюрократическая модель управления соответствует индустриальному этапу развития общества.

Одним из первых, кто попытался исследовать механизмы власти Российской империи, был Джордж Йени. Это позволило ему охарактеризовать государственный аппарат 1802–1860 годов как «правительство царских агентов» и обосновать концепцию столкновения идеи управления государством

сийской империи: (на материалах Верхнего Поволжья). М., 2004; Административные реформы в России: история и современность. М., 2006; Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007.

посредством личных агентов и «легального порядка». В отношении статуса и полноты власти российских губернаторов был подтвержден тезис о двойственности их служебного положения. Исследователь отметил их чрезмерную зависимость от МВД, особенно возросшую в пореформенный период.

В 1980-е годы в западной русистике возникает новый жанр – коллективная биография чиновничества, сочетающая в себе элементы социологического подхода, институциональной и культурной истории. Ярким примером являются исследования Ричарда Роббинса о русских губернаторах. Несмотря на распространенное мнение о серьезных недостатках института губернаторства в царской России, его исследования показали, что в сложных ситуациях неповоротливая административная система демонстрировала высокую степень витальности. Признанный специалист опроверг ставшие стереотипными представления о губернаторах как о невежественных и коррумпированных чиновниках, доказал рост их профессионализма и компетентности. Применяя клиометрические параметры, методы культурных исследований, а также семиотики, он реконструировал образы типичных «царских наместников». Безусловным достоинством работы является ее богатая источниковая база.

Не связанные политическими обременениями американские русисты внесли серьезный вклад в исследование имперской системы управления, социальной и политической культуры российской бюрократии. Значительных результатов достигли ученики П. А. Зайончковского – Т. Эммонс, Д. Филд, Б. Линкольн, Д. Орловски, Р. Роббинс, Р. Уортман. Их понимание истории Российской империи стимулировало освоение проблем функционирования института губернаторства гуманитарным научным сообществом на современном этапе.

Овладение междисциплинарной методологией помогло международному сообществу историков расширить проблематику исследовательского познания. Если предыдущие институциональные исследования фокусировались главным образом на изучении правительственного аппарата самодержавной России, то теперь утвердилось понимание, что в жизни страны зна-

чительную роль играли межличностные связи и неофициальное властвование. Современные исследователи стали активно осваивать изучение властных механизмов и политической культуры правящих элит. В связи с этим угол обзора властных институтов Российской империи, представленный в исследованиях Джона П. ЛеДонна, вызывает особый интерес.

Проведенный историографический анализ показал, что губернаторская проблематика первой половины XIX века отечественными историками и зарубежными русистами специально не изучалась. Вниманием исследователей оказались охвачены далеко не все периоды истории имперского управления. Наиболее изученным можно считать пореформенный период. Дореформенный период исследован крайне слабо. В историографии нет четкого представления относительно полномочий и ресурсов власти губернатора, влияния региональной специфики. В пространственном измерении власть российских губернаторов лучше освещена на окраинах Российской империи. Управленческая модель «внутренних» губерний разработана крайне слабо. Таким образом, изучение опыта управления казанских губернаторов первой половины XIX века приобретает особую значимость.

Глава 2 «Нормативное регулирование института губернаторства» освещает вопросы изменения и корректировки статуса губернатора, правового, материального и символического обеспечения губернаторской власти, кадровые проблемы.

К началу XIX века нормативно–правые основы деятельности губернатора не были четко прописанными. Министерская реформа 1802–1811 годов только усилила эту неопределенность. Переподчинение губернаторов МВД, их интеграция в новую исполнительную вертикаль затруднялись сохранением зависимости от Сената и местного дворянства. Эта амбивалентность привела к падению престижа губернаторской должности. В связи с этим законотворчество второй четверти XIX века развивалось в направлении автономизации представителей коронной власти от локальных элит. Расширение вла-

стных полномочий губернаторов сопровождалось атрофированием коллегиальных начал в губернском управлении.

В советской историографии было распространено мнение, что подбор кандидатов на губернаторскую должность определялся знатностью, протекцией и другими соображениями, не позволявшими фиксировать процесс профессионализации бюрократии. Проведенный анализ губернаторских назначений в Казанскую губернию не позволяет согласиться с этим утверждением. Министерская реформа сопровождалась изменением в кадровой политике. Традиционные для российской государственности формы воспроизводства государственных служащих (в том числе посредством рекомендательных писем и устной протекции) оказались перекодированы в поручительства. Взятая на себя ответственность авторитетных чиновников за рекомендуемого рассматривалась в качестве символического капитала претендента на губернаторскую должность. Применение «ресурсного подхода» к формулярным спискам позволило также выявить иные его компоненты: материальный, социальный, образовательный «капитал», а также опыт администрирования.

В 1830-1840-е годы среди критериев, предъявляемых к претендентам в казанские губернаторы, росла значимость их профессиональной компетентности и образования. Знания стали цениться наравне с происхождением, что соответствовало политическим представлениям о правильно организованном рациональном управлении. Если в начале века в административной системе доминировали губернаторы, пришедшие из армии и в лучшем случае имевшие образовательный багаж в объеме программы кадетского корпуса, то к середине века предпочтение отдавалось университетски обученным чиновникам. Назначения в Казань стали производиться с учетом имущественного положения, личной заинтересованности, финансовой обеспеченности претендента и его знания социальной и этнокультурной специфики региона.

Такие изменения в кадрово-управленческих стратегиях власти проявились и в ее символических репрезентациях в пространстве губернского города. В морфологической структуре центральной части Казани мною выделено

несколько зон, отличающихся между собой условиями ландшафта, планировки и архитектурной стилистикой. В диссертации проанализировано статусное значение выбора места для проживания губернатора, рассмотрены типовые проекты губернаторских домов, варианты их реализации, выявлены субсидии правительства на строительство и содержание «присутственных мест». Судя по полученным результатам, верховная власть стремилась повысить социальный статус направляемого в регион чиновника. Поддержание имиджа власти требовало от самого губернатора немалых материальных затрат, а от правительства - его достойного «содержания».

Официальные доходы губернаторов слагались из трех компонентов: жалованья, столовых и квартирных денег. При назначении чиновник получал пособие «на подъем и путевые издержки», для служебных поездок ему полагались прогонные и суточные деньги. Систематизация количественных показателей выявила рост содержания российских губернаторов. До 1835 – 1840 годов правительство не имело финансовой возможности покрывать реальные потребности губернской администрации. Со второй четверти XIX века увеличение жалованья губернаторам происходило за счет территориального и индивидуального ранжирования. Забота государства носила персональный характер и осуществлялась за счет специальных и дополнительных средств (аренда, награды, «благоволения» и др.), что способствовало усилению зависимости губернатора от министра.

Источниками материального обеспечения губернаторов выступали как официальные выплаты, так и неофициальные доходы (прибыль от питейных откупов, операции с подрядами, раздача служебных мест и т. д.). Об этом в столице знали, но относились терпимо. Зазоры и уязвимые места в существующей системе управления вовлекали губернаторов в пространство неформальных отношений, где можно было иметь хотя и незаконный, но постоянный материальный достаток. Исследование показало, что далеко не все губернаторы, даже находясь в стесненных материальных обстоятельствах, позволяли себе злоупотреблять служебным положением. Донесения жандарм-

ских офицеров подтверждают мемуарные свидетельства современников, что «по делам» казанские военные губернаторы брать опасались, но от щедрых подношений откупщиков и подрядчиков не отказывались.

Качество жизни определяется не только доходами, но и расходами. Их анализ показал, что к середине века расходы казанских губернаторов стали превышать размеры их годового содержания. Представленный в данном разделе материал подтверждает связь между должностными злоупотреблениями и материальной необеспеченностью российских чиновников, сохранение традиции «кормления», осведомленность и терпимость правительства к данному анахронизму. Средством борьбы с ним стало назначение в Казань имущественносостоятельных претендентов.

В главе 3 «Направления служебной деятельности губернаторов» исследуется практика интеграции института губернатора в вертикаль исполнительной власти. В ней выявлены полномочия губернатора и направления его служебных инициатив.

Внедрение министерской системы коренным образом изменило течение служебной жизни начальника губернии, упорядочило их обязанности. Усилиями бюрократического письма губернатор из личного представителя императора превратился в чиновника МВД. В инструкциях и распоряжениях его деятельность была подвергнута жесткой и одновременно мелочной регламентации с момента вступления в должность и до выхода в отставку. Сами губернаторы воспринимали такое вторжение государства неоднозначно. Выявленные в отчетных и делопроизводственных документах инициативы губернатора позволяют утверждать, что и в николаевское правление начальник губернии сохранял интенции субъекта большой политики.

Рутинная работа губернатора сосредотачивалась в административно-полицейской сфере. Приоритетными заботами в ней были удержание «тишины и спокойствия», поддержание «общественного благоустройства и благочиния», обеспечение «народного продовольствия».

Обеспечение порядка требовало необходимого количества полицейских кадров. Правоохранительная практика Казани не вписывалась в общие нормы штатного расписания полиции 1803 года. В городе стала ощущаться нехватка стражей порядка. Казанские гражданские губернаторы не один год искали пути решения этой злободневной проблемы. В диссертации рассмотрены проекты и предложения Б. А. Мансурова, И. А. Толстого, П. А. Нилова с обоснованием увеличения штата городской полиции. Реализовать эту коллективную инициативу удалось лишь в правление Николая I усилиями казанских генерал – губернаторов В. Ю. Соймонова и А. Н. Бахметьева.

Помимо полицейских у губернатора были и другие проблемы. В отчетах Б.А. Мансурова изложена целая программа необходимых административных преобразований. По пунктам были расписаны «нужды» местного правительства, обусловленные географическими и социокультурными особенностями Казанской губернии. В частности, обосновывалось учреждение здесь надворного суда и независимого магометанского духовного управления.

Губернаторские заботы о городском хозяйстве рассмотрены в контексте отношений губернских и городских властей. Общими для нескольких поколений управленцев были проблемы санитарного благоустройства, мощения дорог, освещения улиц, городского планирования, восстановления Казани после пожаров. Самой острой была проблема питьевой воды для губернской столицы. В изучаемое время ее так и не удалось решить. Сюжет об участии казанских губернаторов в благоустройстве Казани позволяет заключить, что генеральные проекты развития города, требующие значительных финансовых вливаний, реализовывались эстафетно и в значительной степени благодаря персональным усилиям главы губернии.

Деятельность губернаторов имела прямое отношение к экономическому развитию губернии. В диссертации проведена реконструкция взглядов и мнений казанских начальников губернии в отношении стоящих перед ними хозяйственных задач. Реализация их масштабных предложений была воз-

можно только при одобрении центра. В 1800 году военный губернатор П. П. Пущин выступил с предложением учредить в Казани ежегодную ярмарку для «пользы общей». Его торговый проект получил экспертное одобрение, но остался без финансирования и реализации. По отчетам казанских губернаторов можно судить, что в зоне их постоянного внимания находились проблемы малоземелья государственных крестьян, состояние недоимок, положение приписных поселян к Казанскому адмиралтейству. Б. А. Мансуров из отчета в отчет писал о необходимости пересмотреть порядок оплаты их труда и добился подписания указа «О лашманах и их повинностях по заготовлению и хранению корабельных лесов» (1817).

В 1840-е годы верховная власть стала нуждаться в более точном знании об империи для оптимизации управления ею. В этой связи данные губернаторских отчетов перестали удовлетворять правительство и, видимо, внимательно прочитываться в Петербурге. Дабы быть услышанными, губернаторы стали выходить за рамки отчетного письма и реализовывали свои наблюдения в форме служебных записок. Особенно распространенной такая форма общения с центром стала в контексте обсуждения крестьянского вопроса. Так, в 1848 году в Секретный комитет был подан проект «приведения состояния крепостных людей в правильное положение» бывшего казанского военного губернатора С. П. Шипова. В личном архиве другого казанского военного губернатора И. А. Боратынского обнаружена копия проекта освобождения крепостных крестьян, адресованного наследнику престола в 1849 году.

В период подготовки и проведения Великих реформ губернаторские предложения по совершенствованию местного управления приобрели массовый характер. В ответ на секретное предписание министра внутренних дел С.С. Ланского от 20 октября 1856 года поступил целый ряд служебных записок «о расширении власти губернатора». По Казанской губернии такая записка была составлена военным губернатором И. А. Боратынским.

Анализ делопроизводственных материалов позволил сделать вывод о ресурсах власти казанских губернаторов, специфике их деятельности, взаи-

моотношениях с локальными элитами и столичной бюрократией. Судя по всему, выстраивание достаточно стройной вертикали власти и оптимизация регионального управления в рассматриваемый период осуществились посредством письменных технологий. Право говорить и быть услышанным реализовывалось через официальные письма «наверх», а приспособление общеимперских законов к специфике региональной ситуации – посредством ответных писем в Казань. Соответственно, анализ комплекса официальной переписки дает представление о заботах и нуждах губернии и губернатора.

Глава 4 «Механизмы и формы надзора за деятельностью губернаторов» посвящена рассмотрению политической информации надзорных органов о губернских реалиях.

В дореформенный период Казанской губернией управляли семнадцать губернаторов. Примечательно, что в александровскую эпоху все гражданские губернаторы (кроме Б. А. Мансурова) были отставлены с должности в результате сенаторской ревизии, гласным решением первого департамента Сената. Николаевские же военные губернаторы получали повышение – обретали пожизненное место в Сенате.

На рубеже XVIII-XIX веков сенатские ревизии как механизм административного контроля прочно вошли в бюрократическую практику империи. Ее правовой статус был определен в специальных инструкциях 1799, 1805 и 1819 годов. Общая матрица побуждала ревизоров собирать сведения широкого спектра: о личных и профессиональных качествах губернаторов, их приватной жизни, служебном окружении, отношениях с местным обществом, о должностных доходах и т. д. Вопросник задавал направление и определял характер поставляемой в Петербург информации. Он отражал принятую в изучаемое время позицию центра по отношению к регионам империи. Что касается губернатора, то материалы ревизий дают возможность выявить критерии, по которым оценивалась его деятельности. В первой четверти XIX века об эффективности губернатора в Петербурге судили по количеству «решенных и нерешенных» дел в губернском правлении, по наличию и отсут-

вию жалоб и доносов, по состоянию губернской полиции, по рекрутским наборам, по недоимкам с крестьян.

В диссертации представлены результаты исследования дела по доносу на казанскую полицию, применявшую при дознаниях пытки. По итогам сенатского расследования губернаторы П. П. Пущин и А. И. Муханов были отпущены от должности «за превышение власти». Этот инцидент послужил причиной издания указа от 27 сентября 1801 года, запретившего физическое принуждение. Но в 1804 году ревизия сенатора И. Б. Пестеля снова завершилась увольнением гражданского губернатора Н. И. Кацарева «за злоупотребления властью». Спровоцировали ее доносы вице-губернатора Н. И. Ивановского, поручика Якова Исакова, полицмейстера Низякова, советника губернского правления Гернера, рапорты губернского прокурора А. Н. Овцына. Обе проверки закончились сенатским «распубликованием», широко распространенной для того времени правовой практикой губернаторских наказаний. Используя гласные методы борьбы с административными нарушениями, верховная власть стремилась привить провинциальной бюрократии образцы правовой культуры.

Материалы сенатских ревизий свидетельствуют о том, что доносительство являлось одним из действенных коммуникативных каналов общественного контроля над местной администрацией. Содержащиеся в них сведения, действительно, обнажали административную реальность. Тексты доносов позволяют реконструировать практики неформального властвования, выявить круг доверенных и приближенных к губернатору лиц, вскрыть причины должностных противоборств. Вместе с тем доносительство опутывало, тормозило и душило деятельность местной администрации. О масштабах этого явления в Казанской губернии можно судить по факту появления специального указа от 30 марта 1806 года, призванного ограничить активность казанских ябедников.

В качестве характерного казуса в диссертации реконструировано десятилетнее губернаторство Б. А. Мансурова, которое выдержало испытание пя-

ти сенатских ревизий. В связи с этим особое внимание уделено выявлению стратегий его управления, объяснению феномена его служебной устойчивости. Судя по всему, Мансуров счастливым образом соединил в себе интересы коронной власти и местного дворянства. Выгодная женитьба и вхождение в высший круг казанского дворянства обеспечили успех его деятельности. Показательно, что после кончины Мансурова достигнутый баланс интересов и влияний в губернии был нарушен. Проявлением этого стали конфликты последующих губернаторов с предводителями местного дворянства, повлекшие за собой новые сенатские проверки. Только теперь ревизоры сталкивались не с отдельными обличителями злоупотреблений или жертвами несправедливости, а со сплоченной группой, обладающей интересами и солидарностью.

В главе 5 «Практика управления и взаимоотношения губернаторов с местным «обществом»» прослеживается столкновение личных и групповых интересов в губернских верхах, анатомируются конфликты казанских губернаторов с представителями дворянства и способы их разрешения.

Акцент сделан на многолетнем конфликте, возникшем в 1814 году и перманентно тянувшемся до начала 1830-х годов. Его жертвами стали три гражданских губернатора. Все трое были уволены по разным причинам: П. Ф. Гурьев «по подозрению во взятке», И. А. Толстой «за злоупотребления властью», П. А. Нилов «за превышение власти». На самом же деле причина всех этих отставок была одна – конфликт с губернским предводителем дворянства, за спиной которого стояли влиятельные лидеры местной дворянской элиты и примкнувшие к ним чиновники губернской администрации. Сохранившиеся материалы позволили выяснить в мельчайших подробностях механизм административной борьбы за власть в губернии. Пиком кризиса стала всеобъемлющая ревизия 1819–1820 годов по доносу предводителя дворянства Г. Н. Киселева.

Соединение материалов ревизии, делопроизводственной документации МВД и доносов позволило восстановить событийную канву свержения строптивых губернаторов, осмыслить характер отношений верховной власти

и местных элит в исследуемый период. Факт противостояния губернского дворянства любому присланному из Петербурга ставленнику фиксировали не только ревизоры. Об этом в 1830 году официально сообщил в служебном рапорте на имя Николая I казанский губернский прокурор Г. И. Солнцев. Реконструкция обстоятельств ревизии 1819 – 1820 гг. убедила, что в противостояние были вовлечены широкие слои местного населения. В качестве свидетелей, обвинителей, ответчиков в выявленных документах фигурируют разные категории крестьян, городские жители, рекруты и их родители, нижние воинские чины, губернские чиновники, преподаватели учебных заведений, представители губернского дворянства и их петербургские покровители. Все вместе они образуют паутину социальных коммуникаций, которая приходила в действие и была эффективной в руках людей, знающих её логику. Специфика исследуемого мною времени и места состояла в том, что у казанского дворянства было не только желание свергнуть присланного «варяга», но и возможность сделать это посредством своего рода «экспертов» - мелких чиновников, хорошо знающих сбой административного управления. Благодаря их умелому маневрированию столичные ревизоры неизменно принимали сторону местной элиты.

Специальный раздел диссертации посвящен описанию усилий верховной власти по восстановлению утраченного баланса правительственных и сословных интересов в Казанской губернии. В центре исследовательского внимания оказались правительственные меры по разрешению кризисной ситуации. В работе показана неэффективность Временного департамента уголовной палаты, созданного в Казани по рекомендации ревизоров и при непосредственном участии оппонентов губернатора, факторы и последствия массовых увольнений среди местного чиновничества. Снять паралич власти в Казанской губернии и восстановить престиж губернаторской должности верховная власть смогла, возродив институт генерал – губернатора, затем военного губернатора, запретив практику общественных доносов, установив контроль над ситуацией посредством жандармских офицеров, повысив чинов-

ный статус и финансовое содержание направляемого в Казань правителя губернии.

Плотность сохранившихся жандармских донесений о состоянии казанской администрации различна. Хронологически их интенсивность нарастает в первые годы правления Николая I и Александра II, т.е. в периоды их активной реформаторской деятельности. Негласный надзор показал тогда свою эффективность. Рассмотрение сведений жандармских офицеров позволило проследить условия губернского управления вплоть до реформ 1860-х годов. Особую информативную ценность они приобретают при освещении участия губернатора в отмене крепостного права. Материалы негласного надзора дают представление об общественном напряжении тех лет, о новом характере противоборства представителей коронной власти и местного дворянства (идейное столкновение военного губернатора П. Ф. Козлянинова с губернским предводителем П. Г. Осокиным) и обреченности корпоративного сопротивления реформаторским усилиям имперской власти.

В заключении подводятся итоги исследования, обобщаются основные выводы и положения.

Результаты проведенного исследования убедили меня в том, что административная реальность Российской империи была намного сложнее, чем это виделось верховной власти из Санкт-Петербурга. Ее реконструкция, осуществленная на уровне выбранной административно-территориальной единицы, сильно расходится с распространенным в исследовательской литературе мнением о «бесконтрольности» и «всевластии» российских губернаторов, а также о единстве политической и локальных элит. Однако для того, чтобы сделать глобальные выводы для всей империи, требуется проведение подобных исследований по другим губерниям. В этом я вижу масштаб и перспективу данной темы.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

I. Монографии

1. Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века) / А. Н. Бикташева, М. Х. Гизатуллин, К. А. Ильина. – Казань: Рутен, 2006. – 228 с.
2. Казанские губернаторы в диалогах властей (первая половина XIX века) / А. Н. Бикташева. – Казань: ИПЦ «Экспресс-формат», 2008. – 228 с.

II. Публикации в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации

3. Механизм назначения губернаторов в России в первой половине XIX века / А. Н. Бикташева // Отечественная история. – 2006. – № 6. – С. 31–41.
4. Надзор над губернаторами в России в первой половине XIX века / А. Н. Бикташева // Вопросы истории. – 2007. – № 9. – С. 97–105.
5. Надзор и наказания губернаторов (первая половина XIX века) / А. Н. Бикташева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. – 2007. – Вып. 2. – № 3 (34). – С. 103–109.
6. Жизнь в эпоху перемен: казанский губернатор и «великие реформы» / А. Н. Бикташева // Человек. – 2008. – № 4. – С. 127–137.
7. Казанские губернаторы в донесениях жандармских штаб-офицеров 1826–1832 гг. / А. Н. Бикташева // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150, кн. 1. – С. 83–91.
8. Источники материального обеспечения российских губернаторов первой половины XIX века / А. Н. Бикташева, А. А. Гасимова // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, кн. 2, ч. 2. – С. 19–27.
9. Критерии отбора российских губернаторов: опыт Казанской губернии / А. Н. Бикташева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2009. – Вып. 10. – С. 107–113.
10. Губернаторы и дворянство Казанской губернии: уроки конфликтов (первая четверть XIX века) / А. Н. Бикташева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11, № 2 (28). – С. 55–59.
11. Должностные полномочия губернатора: бюрократическая реальность (первая половина XIX века) / А. Н. Бикташева // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152, кн. 3, ч. 2. – С. 19–24.

12. Правовое положение губернатора в период становления министерского управления в Российской империи / А. Н. Бикташева // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 1. – С. 95–99.

III. Публикации в других научных изданиях

13. Казанские губернаторы в период формирования Министерства внутренних дел (первая половина XIX века) / А. Н. Бикташева, М. Ю. Гребенкин // Проблемы законности и правопорядка в российском обществе: сб. науч. трудов / Казан. юрид. ин-т МВД России. – Казань, 2001. – С. 185–192.

14. Первые документы о деятельности Министерства внутренних дел в Казанской губернии (начало XIX века) / А. Н. Бикташева, М. Ю. Гребенкин // Научные труды Казанского юридического института МВД России. – 2002. – Вып. 2. – С. 376–382.

15. Деятельность губернатора Б. А. Мансурова по благоустройству Казани в начале XIX века / А. Н. Бикташева // Казанский посад в прошлом и настоящем: сб. статей и сообщений науч.-практ. конф., 21 мая 2002 г. – Казань, 2002. – С. 25–29.

16. Штрихи повседневности губернатора / А. Н. Бикташева // Повседневность российской провинции: история, язык и пространство: Материалы 3-й Всерос. летней школы «Провинциальная культура России: подходы и методы изучения истории повседневности», Казань, июнь – июль, 2002 г. – Казань, 2002. – С. 144–153.

17. «Казанский инцидент» 1801 г. и отмена пыток в России / А. Н. Бикташева // Научные труды Казанского юридического института МВД России. – 2003. – Вып.3. – С. 377–385.

18. «Казанский инцидент» губернатора Пущина / А. Н. Бикташева // Уроки Вульфсона. – Казань, 2003. – С. 236–246.

19. Казанская полиция в системе губернской администрации / М. Ю. Гребенкин, А. Н. Бикташева. – Казань: КЮИ МВД России, 2004. – 59 с.

20. Казанские губернаторы в материалах сенаторских ревизий первой половины XIX века / А. Н. Бикташева // Проблемы истории Казани: современный взгляд: сб. статей. – Казань, 2004. – С. 264–269.

21. Институт губернаторства в XVIII веке / А. Н. Бикташева // История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: сб. науч. статей и сообщений. – Казань, 2005. – С. 254–261.

22. Дело губернатора И. А. Толстого: архивное расследование / А. Н. Бикташева // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2006. – № 1. – С. 101–112.

23. Казанский губернатор и Дворянское собрание: конфликты и ресурсы власти (первая половина XIX в.) / А. Н. Бикташева // Вестник Черниговского гос. пед. ун-та. – 2006. – Вып. 33. – С. 81–87.

24. L'état c'est nous? Местное гражданство, имперское подданство и ре-визия государственных учреждений в Казанской губернии (1819–1820 гг.) / А. Н. Бикташева // *Ab Imperio*. – Казань, 2006. – № 4. – С. 137–186.
25. Практика введение генерал-губернаторства в Поволжье (20-е годы XIX века) / А. Н. Бикташева // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт: материалы Междунар. науч. конф., Казань, 11–13 мая 2006 г. – М., 2007. – С. 78–82.
26. Институциональные нормы губернаторства в России первой половины XIX в. / А. Н. Бикташева // Государственная и муниципальная служба: история и современность (проблемы кадровой политики): материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию Академии гос. и муницип. управления при Президенте РТ, 14 дек. 2006 г. – Казань, 2007. – Ч. 1. – С. 67–74.
27. Механизм назначения и критерии отбора российских губернаторов (первая половина XIX в.) / А. Н. Бикташева // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: материалы XII Всерос. науч.-теорет. конф., Москва, РУДН, 29–30 мая 2008 г. – М., 2008. – С. 73–81.
28. Проблемы образования в отчетах казанских губернаторов (первая половина XIX века) / А. Н. Бикташева // Образование и просвещение в губернской Казани: сб. статей. – Казань, 2008. – Вып. 1. – С. 17–21.
29. Губернатор как жертва конфронтации коронной власти, губернского дворянства и «локального» общества (первая половина XIX века) / А. Н. Бикташева // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй: тез. докладов междунар. конф. – М., 2009. – С. 22–25.
30. «Социальный капитал» казанских губернаторов (первая половина XIX века) / А. Н. Бикташева // Вестник Омского университета. – 2009. – № 3. – С. 110–115.
31. Влияние локальных политических практик на выработку модели губернского управления (первая половина XIX века) / А. Н. Бикташева // Первые Кремлевские чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф. «Региональные аспекты губернских реформ XVIII–XIX веков в России». – Казань, 2010. – С. 35–40.
32. Неофициальные доходы российских губернаторов (по материалам первой половины XIX века) / А. Н. Бикташева // Российская империя в исторической ретроспективе: сб. науч. трудов V Междунар. науч. конф. – Белгород; Чернигов, 2010. – С. 7–10.
33. Конкретно-историческая динамика критериев оценки качества местного управления в XIX веке / А. Н. Бикташева // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность: сводные материалы заочной дискуссии. – Екатеринбург; Ижевск, 2010. – С. 69–72.